

*дантес с мартиновым в финале
чемпионата по стрельбе
вы пушкин лермонтов за бронзу
стреляться будете теперь*

*пушкин крут и мощен
он такой один
зачитаю строчку
ай да сукин сын*

(Из собр. М. Е. Щербаковой [3]).

Как видим, А. С. Пушкин полнокровно живет в наших умах, в наших сердцах, в нашей современной жизни. Анекдоты как бы продолжают жизнь народного гения. И это еще и еще раз доказывает непреходящую народность нашего любимого автора и его творческую гениальность.

Прекрасно в свое время (1914 г.) сказал о пушкинском наследии наш земляк – блестящий филолог Б. М. Эйхенбаум: «Пушкин – наша вера, наша первая любовь, к которой всегда возвращаешься, когда тяжело становится жить. Что бы ни было, как ни ужасно наше прошлое, как ни печально настоящее, как ни загадочно будущее, – у нас есть Пушкин» [2, с. 306].

Библиографические ссылки

1. Баевский В. С. Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу. Смоленск, 1998.
2. Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987.
3. Щербакова М. Е. «Пирожки» с Пушкиным и Барто: литературные антропимы в текстах сетевого фольклорного жанра // Материалы по русско-славянскому языкознанию : Международный сборник научных трудов. Вып. 37. Воронеж : изд. дом ВГУ, 2024. С. 154–163.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М. В. Ладутько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; ladutko.m@mail.ru*

Анализируются возможности стилистики в изучении речевого воздействия. С применением метода объяснительного описания на материале теоретических источников выявлены сферы стилистических исследований, позволяющих дополнить целостное представление о речевом воздействии.

Ключевые слова: речевое воздействие; стиль; текст; дискурс.

Ключевым для стилистических исследований является понятие стиля. Термин «функциональный стиль» фиксирует осознание человеком и об-

ществом в целом «целевую, проблемно-содержательную и коммуникативно-ситуативную специфику сфер социального общения, активно задействованных в плане протекания когнитивной и коммуникативной деятельности речевых субъектов» [1, с. 185].

Стиль признается одним из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности [2, с. 511]. Текст «выступает универсальной формой коммуникации; является речевым произведением; всегда имеет идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность произведения; представляет собой речевую систему, свойственную определенной сфере общения; всегда ориентирован на адресата; несет информацию; обладает эффектом воздействия (прагматическим эффектом)» [2, с. 530]. В. Е. Чернявская, подчеркивая соотношенность текста с коммуникативной ситуацией и ее центрами – автором и адресатом, фокусирует внимание на «пяти экстралингвистических факторах коммуникативной ситуации, ориентированных на человека, «присваивающего» язык: 1) функционально-коммуникативной сфере; 2) индивидуально-социальных характеристиках речевого субъекта; 3) характере отношения субъекта речи к ее адресату; 4) характере отношения автора текста к его теме/содержанию; 5) взаимодействии с языковым кодом» [3, с. 12–13].

Стиль содержит информацию «о сути действия, о том, кто его осуществляет, кто его предполагаемый адресат, какова ситуация...» [цит. по 3, с. 23]. Е. А. Гончарова определяет стиль, или модус формулирования текста, как «переменный, индивидуально и социально обусловленный параметр текста, зависящий от смены субъекта-автора, (речевого) способа представления им предмета/темы познания и коммуникации и характера выстраиваемого «диалога» (по Бахтину) с предполагаемым читателем» [4, с. 93]. «Модус формулирования речевого высказывания свидетельствует о том, что создание текстовой структуры заключается не в переводе готового содержания в соответствующую языковую форму. Это творческий индивидуальный речевой акт языковой личности, действующей под давлением собственных явных или скрытых прагматических интенций, а также условий коммуникативной ситуации» [4, с. 93]. Актуальными в этом ключе становятся такие признаки стиля, как реляционность, поливалентность, альтернативность [5, с. 181–182]. Таким образом, текст позволяет проследить возникновение модуса формулирования: как происходит отбор, комбинаторное сочетание, переосмысление и преобразование средств используемого языка человеком [5, с. 186]. Это создает необходимую и соответствующую интенциям автора общую текстовую «атмосферу», от которой зависит эффективность персуазивного воздействия текста [4, с. 94].

На базе общезыковых функций в конкретных речевых разновидностях выделяют стилевые функции, под которыми понимаются «социальные функции языковых и текстовых единиц как их роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов той или иной речевой разновидности, ее назначения в социуме [6, с. 402]. В перечень стилистико-речевых функций включается функция воздействия, которая в зависимости от функциональной значимости языковой организации речевой разновидности может иметь статус как центральной, так и периферийной функции [6, с. 402].

В тексте речевое воздействие реализуется посредством стилистического приема и типа выдвижения. Т. Г. Винокур трактует стилистический прием как «минимальный отрезок текста, с достаточной полнотой выявляющий как стилистическое намерение говорящего, так и способ осуществления этого намерения» [7, с. 86]. Дж. Лич, классифицируя стилистические приемы на основе принципа разграничения между нормальными и неправильными чертами языка литературы, выделяет парадигматические и синтагматические отклонения от лексических и грамматических норм языка [8, с. 47]. Такого же основания для выделения стилистического приема придерживается Ю. М. Скребнев [9]. Этот подход развивает Г. А. Копнина, трактуя прием как «прагматически мотивированное и моделируемое отклонение от норм языка/речи или их нейтральных вариантов с целью оказания определенного воздействия на адресата» [10, с. 7]. В качестве системных свойств приема ученый выделяет мотивированность, моделируемость, способность к нейтрализации, функциональную общность, способность к взаимодействию между собой [10, с. 8]. Стилистические приемы отражают специфическую организацию таких языковых средств, как тропы и фигуры речи, классификации которых представлены в работах Ю. М. Скребнева; Т. Г. Хазагерова, Л. С. Шириной; В. П. Москвина; А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной и других.

Типы выдвижения, разработанные М. Риффатером, «отражают специфический характер текстового развертывания, определяющий разные способы представления информации и различные пути и средства воздействия на адресата и приобщения его к содержательному плану текста» [цит. по: 11, с. 283]. Детальное описание типов выдвижения (повтора, контраста, обманутого ожидания, сцепления, конвергенции) предлагает И. В. Арнольд в работе «Стилистика декодирования» [12, с. 98–112]. Исследователем отмечается, что выбор определенного типа выдвижения, формирующегося на основе стилистического приема, зависит от авторской интенции и индивидуального стиля автора [12, с. 112].

Перенесение словесно оформленного текста на уровень «речемыслительного произведения» на первый план выдвигает вопросы взаимодей-

ствия текста со «средой» и другими «системами», т. е. диадой текст – дискурс. В. Е. Чернявская определяет дискурс как «отдельно взятое коммуникативное событие, реализованное в устной или письменной форме, с учетом его формальных и содержательных характеристик, а также субъектной ситуации общения, которая включает коммуникантов – адресанта и адресата – и их взаимодействие, а значит, актуализируемые этими участниками общения определенные роли» [3, с. 20]. Воздействующий тип дискурса представляется как дискурс, оказывающий мощный перлокутивный эффект на своего адресата [13, с. 6]. Такой тип дискурса характеризуется парадигмой интенциональных категорий, состоящей из идеологемы, оценочности, номинации, интерпретации, тональности. Этот набор категорий эксплицирует следующее содержание: «определенная заданная идея (идеологема) реализуется в тексте с помощью авторской оценочности, интерпретации действительности, номинации и выбранной адресантом стилистической манеры изложения» [13, с. 33–34]. Именно интенциональные категории становятся текстообразующими категориями: они структурируют конкретный текст и подчиняют себе лексико-семантические и стилистические ресурсы выразительности.

Текст выступает в качестве «когнитивного и коммуникативно-деятельностного медиума между автором и адресатом», обеспечивая их социально-психологическое взаимодействие и включая в свернутом виде элементы коммуникативного акта, сигналы для их дешифровки [14, с. 187]. Так, Н. И. Клушина, определяя особенности воздействующего текста через коммуникативный блок адресант/адресат, выстраивает коммуникативную цепочку построения и развертывания текста: речевой акт → речевой жанр → речевой ход → речевая тактика → речевая стратегия [13, с. 19]. Дискурсивный анализ воздействующего текста осуществляется по схеме: адресант → интенция → текст + коммуникативная ситуация → адресат → декодирование → воздействие (перлокутивный эффект) [13, с. 23].

М. П. Котюрова акцентирует внимание на необходимости критического мышления для реализации воздействующей функции, поскольку «такое мышление предполагает рефлексивное, оценочное отношение автора к явлениям действительности» [15, с. 339]. По отношению к создаваемому речевому произведению критичность мышления адресанта выступает в качестве «сильнодействующего дискурсивного фактора, обуславливающего использование языковых единиц, соответствующих авторскому замыслу» [15, с. 339].

В креативной стилистике коммуникативно-прагматическая направленность речевого творчества связана со стремлением адресанта воздействовать на адресата для достижения перлокутивного эффекта. Воздействие производителя речи на адресата осуществляется посредством креа-

тем-регулятивов, обеспечивающих эмоциональные реакции или практические действия адресата. В трактовке Н. А. Купиной креатема предстает как преднамеренно отобранное или преобразованное средство, основная цель которого – создание эстетического впечатления – достигается за счет его основного свойства – окказиональности [16, с. 314]. Регуляция восприятия осуществляется как отдельными или групповыми креатемами, так и текстами-регулятивами [16, с. 383]. Креатемы-регулятивы способствуют не только реализации коммуникативного намерения автора речи, но и установлению реального или внушаемого коммуникативного равенства адресанта и адресата, установлению фактического «верховенства» адресанта, замаскированного «верховенства» адресата [16, с. 385].

А. П. Сковородников и Г. А. Копнина, подчеркивая лингвистическую природу креатемы, уточняют терминологическую систему креативной стилистики термином лингвокреатема, обозначающим языковые (речевые) единицы, которые возникают в результате речетворческой деятельности и могут быть выражены словом, словосочетанием, предложением, сложным синтаксическим целым [17, с. 101]. Ученые визуализируют противопоставление лингвокреатема – псевдолингвокреатема, под которой понимается стилистический прием, создающийся путем отступления от языковых/речевых норм и не обладающий эстетической или прагматической значимостью [17, с. 102].

Креативная стилистика рассматривается как часть лингвистики креатива – направления, разрабатываемого Т. А. Гридиной и ее школой. В лингвистике креатива в фокусе изучения находятся «пути и способы формирования лингвокреативного мышления, творческое использование языковых средств в различных дискурсивных практиках» [18, с. 272].

В интеракционной стилистике в фокусе находятся «интерпретации смысла интеракции участников рассматриваемых актов коммуникации, а также воздействие как результат данной интеракции, который “рождается” соучастием акторов» [19, с. 32–35]. Легитимация этого направления стилистики базируется на теории интеракционной социолингвистики и психологической теории коммуникации. О. Органева, опираясь на работы С. Гайда, принимает в качестве методологической инструкции экспансионизм, неофункционализм, антропоцентризм/культурализм, интернационализм [19, с. 34]. В этом аспекте коммуникация предстает специфическим процессом, «приобретающим свою идентичность не просто суммаризацией качеств и опыта отдельных акторов как индивидуальностей, но являющимся результатом их взаимодействия, кооперации в тексте или совместной активности в речи» [19, с. 36]. Поэтому интеракционализм становится основой «эмергентности вербально-невербального процесса, т. е. дефинитивную идентичность средства коммуникации можно подтвердить только в актуальном контекстуальном применении» [19, с. 37].

Таким образом, анализ теоретических источников показывает, что в стилистике формируется понимание воздействия как сложного феномена, в котором, во-первых, акцентируется его антропоцентрическая и функциональная природа; во-вторых, подчеркивается имманентная связь воздействия с языковыми элементами и экстралингвистическими факторами при создании речевого произведения.

Библиографические ссылки

1. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 180–191.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта, Наука, 2006.
3. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
4. Гончарова Е. А. Текстовые категории и стиль // Извес. РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 89–97.
5. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 180–191.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта, Наука, 2006.
7. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980.
8. *Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics. London and New York, 1986.*
9. Скребнев Ю. М., Кузнец М. Д. Стилистика английского языка / под. ред. Н. Н. Амосовой. Л. : Просвещение, 1960.
10. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Копнина; ФГ АОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Красноярск, 2010.
11. Болотнова И. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М. : Флинта, Наука, 2006.
12. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М. : Флинта 2016.
13. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина; МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2008.
14. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007.
15. Котюрова М. П. Дискурсивные средства выражения критичности мышления журналиста // Настоящее и будущее стилистики : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. М. : Флинта, 2019. С. 339–343.
16. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013. С. 298–410.
17. Копнина Г. А., Сковородников А. П. Стилистика креатива и эколлингвистика : точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). С. 101–104.
18. Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива – 2 / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2016. С. 272–288.
19. Органева О. Интеракциональная стилистика // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 32–37.